

**ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАЧАЛА 1930-х гг.
НА МАТЕРИАЛАХ ПИСЕМ
ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ И РАБОЧИХ**

А.В. Богданов

В статье приведены результаты изучения автора по теме адаптации иностранных рабочих и специалистов, привлеченных на промышленные стройки Урала (ЧТЗ и ММК), к «новому советскому быту». Исследовательской задачей является возможность показать на материалах писем иностранцев, в которых прослеживается производственная и бытовая повседневность, характерные черты советской жизни 1920–1930-х гг., специфику взаимодействия иностранцев с советскими рабочими, отношение иностранных специалистов к советской повседневности.

Ключевые слова: повседневность, иностранные специалисты, индустриализация, пятилетка, ЧТЗ, ММК.

В конце 1920-х гг. началась реализации планов по индустриализации СССР. Предусматривалось создание современной крупной промышленности на базе передовой техники, завоевание технико-экономической независимости. В связи с этим потребовалось большое количество квалифицированных рабочих, которые сумели бы использовать закупленное за рубежом новейшее оборудование. Имевшиеся промышленные кадры технически пока были слабо подготовлены к столь масштабным проектам. Серьезное отставание в освоении новой техники представляло большую проблему для развития промышленности. В результате было принято решение о привлечении иностранной помощи. Советское государство, в массовом порядке приглашая иностранных специалистов, рассчитывало на максимально полное использование зарубежного опыта [5].

Но с 1931–1932 гг. начинается массовое возвращение иностранцев на родину, разочарованными в увиденном. В 1932 году к докладной записке

о состоянии работы среди иностранных рабочих и специалистов на Магнитострое было приложено письмо одного из иностранных работников, в котором он, обращаясь к «Дорогим Людие и Карлу», писал: «Тьфу Россия, которая так использует безработицу других стран, без которой им никогда не выполнить план. Что там равенство? Что братство? Жалко коммуниста, который поедет туда, а в результате вернется фашистом! Только хвастуны могут там чего-то достигнуть!» [2, л. 183].

Гейнц Хейман, иностранный рабочий, прибывший на Магнитострой из Берлина в своем письме описал «Россию как она есть»: «Как закоренелый коммунист я двинул с большими надеждами в страну «равенства и свободы». А затем увидел Россию как она есть в действительности и с ужасом повернулся спиной к ней. Но пресса КПГ продолжала писать о «советском рае» [7, л. 7].

Таким неоднозначным было видение ситуации иностранцами на начальном этапе социалистического строительства. Уникальность социальной категории иностранцев состоит в том, что прибывшие из разных стран и являвшиеся носителями разных культур, ментальностей, политических традиций, производственных навыков, бытовых привычек иностранцы в отличие от большинства советских граждан, имели возможность сопоставлять советскую действительность с Западом. В силу этого их взгляд на СССР был зачастую более острым и точным, а поведение более адекватным реалиям [4, с. 189].

Некоторые современные исследователи указывают, что зачастую авторы, изучающие деятельность иностранных рабочих и специалистов в период индустриального строительства, используют в своих трудах воспоминания тех иностранцев, которые преувеличив свои трудовые навыки приезжали в СССР, рассчитывая на исключительное материальное и бытовое обслуживание [10, с. 874].

Отчасти с этим можно согласиться. Но стоит учесть тот факт, что основная группа иностранных рабочих и специалистов, приехавшая в СССР на основе заключения договоров, согласно которым они обеспечивались гарантированной заработной платой, частично выплачиваемой валютой, различными льготами и преимуществами. Кроме того, приглашенным иностранным рабочим возмещался расход по переезду его из-за границы. Приглашенному работнику оплачивалась стоимость ж/д билета (для него и его семьи), провоз багажа до 80 кг для него самого, по 40 кг на каждого члена семьи. Провоз инструмента, находящегося при рабочем, оплачивался нанимателем по фактической стоимости.

Расходы на обратный путь возмещались работодателем, если работник отработал не менее 1 года, и отъезд осуществляется не позднее месяца по истечении указанного срока, а также из-за болезни или освобождения от работы нанимателем. А также выплачивались суточные (с момента выезда

из-за границы до прибытия) из расчета 30 рублей в день. По прибытии выдавалось подъемное пособие в размере месячного оклада в рублях (которое не подлежало переводу за границу) [1, л. 63].

В целом, по валютному плану ИНО ВСНХ СССР о привлечении иностранной технической помощи, утвержденному Президиумом ВСНХ на 1929–1930 гг., на техпомощь для промышленных предприятий было предусмотрено 34 млн. рублей. Эта сумма по отдельным видам техпомощи распределялась следующим образом: расход по договорам техпомощи и оплата обязательств по заключенным договорам и по вновь заключенным – 25 млн рублей (из них 14 млн рублей шли на оплату обязательных срочных договоров на 1929–1930 гг.), оплата иноспециалистов – 3,7 млн рублей, оставшаяся сумма расходовалась на заграничные командировки и содержание техбюро за границей [1, л. 24–25].

В заключенном контракте также оговаривалась часть заработной платы в валюте, а также часть выплачиваемой в советских рублях. Валютная часть зарплаты переводилась на банковский счет иностранного рабочего. Проживать в Советском Союзе иностранец должен был на зарплату, выплачиваемую ему в рублях. Контракт также предусматривал некоторые обязательства со стороны советского правительства, такие, как обеспечение жильем в виде отдельной комнаты, ежегодным отпуском и медицинской страховкой. Согласно договору, иностранный работник не мог требовать материальное вознаграждение за собственные изобретения и за труд в нерабочее время. Также из своей зарплаты инорабочие платили налоговые сборы и плату за коммунальные услуги наравне с советскими рабочими.

В своем письме, один из иностранных рабочих, коммунист писал: «Договором был установлен оклад в 250 рублей. Мне было сказано, что я смогу с семьей из 8 человек прожить на 100–120 рублей. Остальной суммы будет достаточно для покупки одежды» [7, л. 119]. Но с учетом цен на одежду подобное становилось невозможным. Один приличный костюм стоил тогда 600–800 рублей, ботинки – 180–240 рублей, рубашка стоила 60–80 рублей. Более того с 1933 г. повышалась оплата за квартиру с 10–15 рублей в 1932 г. до 72 рублей в 1933 г. Иностранцы платили и за использование мебели пять процентов ее оценочной стоимости в год. С 1 мая 1934 г. стоимость амортизации мебели повышалась.

На что еще жаловались в своих письмах родным приглашенные иностранные работники? Чаще всего на тяжелые бытовые условия: грязные общежития, отсутствие одеял, простынь, наволочек, умывальников, питьевой воды, удовлетворительного питания, газет, почт, связи с родными, валюты для поддержки семьи, поддержки со стороны местных организаций [1, л. 92].

Решение бытовых вопросов было важным элементом для обеспечения эффективной производственной деятельности иностранных рабочих и специалистов, так как именно бытовые условия – одни из важнейших предпо-

сылок образа жизни людей, развития и проявления их способностей, утверждения гармоничных форм поведения. Но не смотря на указания властей, предприятия не могли в полном объеме предоставить работавшим на них иностранным рабочим и специалистам жилплощадь или обеспечить им комфортные условия проживания. Например, немецкий инженер Курвиц вынужден был отправить жену обратно в Германию, так как им совершенно негде было жить. В течение нескольких дней по приезду из Германии, инженер вынужден был спать на стульях в номере гостинице, где проживала еще одна немецкая семья [3, л. 25].

Плохие санитарно-гигиенические условия на производстве и медицинское обслуживание также не в лучшую сторону влияли на быт иностранцев. Было отмечено очень много жалоб иностранцев на частые сбои в работе медиков. Больницы длительные периоды времени оставались без света и отопления. Например, инженер Бранд отмечал, что летом в больнице было душно и абсолютно нечем было дышать, а зимой там было очень холодно [8, л. 30]. В своем письме немецкий рабочий Зак прощался со своим другом, так как многие его соседи иностранцы заболели тифом, и он сам уже чувствует себя плохо, а помощи нет [2, л. 54].

Остро стояла и проблема питания в больницах. Качество и количество пищи, относительно больных было неудовлетворительным. Отчеты заведующих отделениями городских больниц свидетельствуют о том, что больные часто отказывались от еды. Американский инженер Стефенсон, работавший на ЧТЗ в своей жалобе руководству, указывал на маленькие порции и отсутствие хлеба [9, л. 4].

Также жаловались и на использование не по специальности, что их роль технических руководителей сводилась к консультированию. Частыми жалобами иностранных специалистов были претензии на отсутствие света на рабочем месте, недостаток материалов, бюрократизм, необоснованно быстрые темпы работы [9, л. 9].

Что, касается свободного времяпрепровождения иностранцев, то распространенной формой досуга иностранных специалистов, которая не контролировалась различными организациями, являлся отдых дома в кругу друзей и родных. По вечерам в домашней обстановке собирались коллеги, друзья, соседи и организовывали застолье. Специальный корреспондент Шварцштейн в своем письме описывал такой вечер в одном из домов иностранцев: «Не пожелав участвовать в демонстрации остались дома ... Собрали соседей и отмечали выходной день, купив вина в Инснабе ... Кто-то просто отдыхал на диване, кто – то играл в карты...» [6, л. 8].

Таким образом, минимальный материальный порог, которым вынужден был довольствоваться русский рабочий, оказывался абсолютно неприемлемым для иностранца, привыкшего на родине к иному уровню зарплаты, питанию и вообще качеству жизни. Большинство иностранных специали-

стов приезжало в Советский Союз одновременно и за деньгами, спасаясь от безработицы на родине, и помогать в строительстве нового общества. Хотя комплекс политических и экономических факторов представлял собой чаще всего единое целое, в отношении индустриальных иностранных рабочих материальный фактор становился все же определяющим.

Некоторые продукты питания, к употреблению которых иностранные работники привыкли у себя на Родине, просто невозможно было найти ни в магазинах, ни на рынках. Американский инженер фирмы «Копперс» описывал магазин таким образом: «Там почти ничего нельзя купить, кроме хлеба, папирос и спирта. Муки не было несколько недель, и очень редко имеются овощи. ... Также снабжение мясом было очень плохое и плохое по качеству. Норма, установленная для чая и мыла настолько мала, что никто из семей не имеет достаточно для своих нужд». Инженер Моршон указывал на абсолютное отсутствие зелени. Он жаловался, что в пайке выдавали муку, но жены иностранных специалистов сами печь хлеб не умели, и приходилось приглашать русских женщин, просить их выпекать хлеб, а за это давать натурой. А затем получать обвинения в снабжении русского населения иностранными пайками [3, л. 25].

Многие иностранцы, не сумев приспособиться к таким условиям, вынуждены были уехать из СССР разочарованными. В большинстве случаев власти просто не смогли предоставить иностранным рабочим сходные с западными (особенно американскими) стандартами условия быта и проживания. Центральное и местное партийное руководство страны пыталось создать для иностранных специалистов и рабочих наилучшие условия. Об этом свидетельствует тот факт, что практически на любом предприятии в бытовом плане иностранные специалисты обеспечивались лучше своих советских коллег, что вызывало недовольство последних. Особенно ярко это прослеживается в заявлении инженера Цехом (Красноуральск): «Иностранцы, в общем и целом дорогостоящий принудительный товар, и лучше бы они уехали и освободили квартиры для советских рабочих» [2, л. 95].

А в письме иностранного рабочего Зака даже упоминался такой факт, что 30 советских инженеров угрожали остановкой производства, если снабжение не будет налажено. Администрация пошла им на уступки, переведя их в немецкий кооператив. В этом же письме, рабочий Зак пишет, что сравнил бы посещение этими инженерами Инснаба на «налет саранчи. Скупили все: водку, хлеб, вино, как будто хотели нагрузить ковчег» [2, л. 54].

В конце 1930–1931 гг. по указанию ЦК партии было проведено изучение эффективности иностранной технической помощи и ее упорядочение. До окончания проверки СТО запрещал заключать новые валютные соглашения, а уже в мае 1931 г. было принято решение о пересмотре и расторжении в одностороннем порядке валютных контрактов, отдача от которых была признана недостаточной.

В последующем были подвергнуты ревизии уже заключенные валютные контракты. В связи с чем увеличилось количество судебных исков, подаваемых специалистами по возвращении на Родину. Большинство из них касалось именно невыплаты им оговоренной в контракте части заработка в валюте для материальной поддержки остающихся на родине родственников.

В 1930–1932 гг. эта проблема затронула сотни немецких рабочих и специалистов, трудившихся по контрактам в СССР. Невыплата части зарплаты в валюте ставила их в невыносимое положение: они не могли помочь оставшимся на родине семьям, так как согласно трудовому договору иностранные рабочие должны были проживать в СССР только на советские рубли и не могли конвертировать заработанные рубли в валюту, а перевод валютной части заработной платы на банковский счет иностранца, как правило, задерживался. Иностранцы также не могли жаловаться на нарушения контрактов в советский суд [11, л. 274]. Пересмотр договоров 1930–1932 годов и долги по выплате заработной платы становились причиной недовольства специалистов и причиной их отъезда из СССР. Численность иностранных специалистов сократилось на 1401 человека. Большинство уехавших оказались немцы – 869 человек [11, л. 271].

Библиографический список

1. ГАСО. – Р. 1150. – Оп. 1. – Д. 1636.
2. ГАСО. – Р. 272. – Оп. 3. – Д. 705.
3. ГАСО. – Ф. Р-265. – Оп. 1. – Д. 62.
4. Журавлев, С.В. Иностранцы в советском обществе 1920–1930-х годов / С.В. Журавлев // Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. – Вып. 3 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: ИРИ РАН, 2002. – С. 186–209.
5. Конышева, Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительном проектировании периода первых пятилеток: конфликтные узлы / Е.В. Конышева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 85–89.
6. ОГАЧО. – Ф. 1364. – Оп.1. – Д. 143.
7. ОГАЧО. – Ф. 234. – Оп. 1. – Д. 105.
8. ОГАЧО. – Ф. 234. – Оп. 1. – Д. 326.
9. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 113.
10. Павлова, В.В. Повседневность и быт иностранных рабочих и специалистов в Союзе ССР (конец 1920-х – 30-е годы) / В.В. Павлова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 873–878.
11. Справка ИНО НКТП о привлечении иностранной технической помощи в тяжелую промышленность СССР. Декабрь 1933 г. // Индустриализация Советского союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. – М.: Институт Российской истории РАН, 1999. – Часть 2. – С. 226–297.

[К содержанию](#)